

Темыр Айтчевич Хагуров, профессор Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, доктор социологических наук.

Андрей Александрович Остапенко, профессор Кубанского государственного университета и Екатеринодарской духовной семинарии, доктор педагогических наук

ЧТО МЫ ТЕРЯЕМ, ПРЕВРАЩАЯ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОДГОТОВКУ И УСЛУГУ?¹

Школа (и высшая в том числе) во всём мире сегодня превращается из института воспитания и обучения в институт системы потребления. Вместо того, чтобы возвращать «доброе и вечное», образование предоставляет потребительские образовательные услуги. Это наглядно проявляется в том, какую систему ценностей выносят учащиеся из школьных и университетских аудиторий. Социологические опросы в США показывают, что 93% девочек-подростков называют шопинг своим любимым занятием; около 60% студентов колледжей, говоря о жизненных ценностях, самым важным считают зарабатывать большое количество денег. В Вашингтонском университете, отвечая на вопрос «что для вас самое важное в жизни?», 42% ответили «хорошо выглядеть», 18% — «быть всегда пьяным», и только 6% (!) — «получить знания о мире».

¹ Текст подготовлен в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Госконтракт на выполнение научно-исследовательских работ 14.740.11.0790 от 30 ноября 2010 г.

Похожая ситуация складывается и у нас. Во всех исследованиях качества мировоззрения и ценностей молодёжи Краснодарского края, проведённых под руководством одного из авторов², можно наблюдать одну и ту же иерархию ценностей-целей. На вопрос о будущем³ респонденты сообщают, что хотят иметь крепкую семью, высокооплачиваемую работу, обеспечить себя и близких материально. Такие цели, как «сделать мир лучше», «внести вклад в процветание своей страны» выбирают не более 6–8% респондентов. На вопрос о том, какими качествами нужно обладать современному человеку, наиболее популярными были ответы: быть «уверенным в себе» и «умным». Потом — быть «сильным» и «удачливым»,

² Заказчиками выступали Управление образованием г. Краснодара (2005, 2006 гг.), прокуратура Краснодарского края (2007 г.), Департамент молодёжной политики Краснодарского края (2008 г.). Величина выборки колебалась от 400 до 2 000 человек.

³ Применялась достаточно изощрённая техника постановки вопросов, позволяющая отслеживать искренность и согласованность ответов, которые в целом были устойчиво высокими.

счастливым». Варианты ответа быть «честным» и «добрым» выбрали не более 4–6% респондентов. Иными словами, доброта и честность у современных школьников и студентов не относятся к числу востребованных личностных качеств. Это и не удивительно, ведь их призывают быть конкурентоспособными и эффективными лидерами. И они слушаются. Между тем, ещё Р. Мертон указывал, что эти ценности одинаково подходят и для успешного бизнесмена, и для успешного преступника — и тот и другой стремятся к конкурентоспособности и эффективности.

Здоровое общество опирается на принцип объединения людей в служении высоким идеалам. Когда же в качестве идеала провозглашаются цели приземлённые, сводимые к индивидуальному благополучию и эгоизму, то общество неизбежно сталкивается с социальными болезнями (девиациями). Они начинают принимать устойчивый характер, превращаясь в неустранимые системные дисфункции, обусловленные направлением личностной активности индивидов в социально-деструктивном направлении: гедонизм, стяжательство и корыстная преступность, «отступающее» поведение (аддикции, сектантство). Именно это сегодня и наблюдается в обществах, опирающихся на рыночную идеологию.

В области государственной, региональной и муниципальной политики (не только образовательной) наблюдается опасный перекокс, суть которого может быть выражена одним словом — эконоцентризм. Исключительное внимание на всех уровнях уделяется вопросам условий жизни и крайне недостаточное вопросам её смысла и качества.

Политики, чиновники и журналисты много и охотно рассуждают о средствах, выделяемых на различные мероприятия и программы. Но очень редко речь ведётся о содержании и смысле, культурных и воспитательных последствиях тех или иных предложений или программ. Такая ситуация в сфере культуры и государственной политики может быть концептуализирована как кризис идеального. Фактически речь идёт о состоянии аномии (Э. Дюркгейм), но с некоторыми специфическими особенностями. Особенности эти заключаются в устойчивой утрате ценностей (деаксиологизации) коллективного и индивидуального сознания. Одна из главных причин этого — всё тот же эконоцентризм, заставляющий идеальные сферы культуры и образования функционировать по законам рынка и потребления. Вместе с идеальным мы теряем важнейшие цели и результаты образования. Ключевая цель образования состоит отнюдь не в передаче пресловутых ЗУНов или компетенций. Знания, навыки и компетенции — это, строго говоря, результат второстепенный. Да, мы готовим студента к работе со знаниями (понимание, применение метода), к определённой деятельности и к работе с людьми. Но главное — передать студенту правильное отношение к знаниям, деятельности и людям. И правильное отношение есть любовь, несмотря на всю «нерыночность» и «несовременность» этого слова. Любовь не виновата в том, что ею кто-то занимается. Если нам удаётся её взрастить, то у выпускника формируется любовь к знаниям (любопытность), любовь к деятельности (трудолюбие) и любовь к людям (человеколюбие) и жизни (жизнелюбие). Если любовь в обра-

зовании иссякает, тогда эффективный и конкурентный экономист разрабатывает совершенные коррупционные схемы, а компетентный юрист работает на мафию. Не хочется говорить о том, что бывает, когда компетентный врач рассматривает пациента исключительно как источник прибыли. Но всё именно так и получается, если цель образования «заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя»⁴ (А.А. Фурсенко). Передача основанного на любви отношения возможна лишь тогда, когда передающий (преподаватель) сам обладает этим отношением — любит свой предмет, своё ремесло и своих студентов. Так вот это отношение не может быть стандартизировано и измерено, в отличие от профессионализма, важности которого мы отнюдь не отрицаем. Это отношение традиционно взращивалось в особой среде, в том самом святилище научных ценностей, которое рынок стремится заменить предприятием. У выпускников предприятия иная мотивация — они не служат Истине, Добру и Красоте, они максимизируют полезность. На рабочем месте это означает готовность сделать «от» и «до», но не более. Исчезает идея служения, её место заменила идея выгоды. Ситуация в образовании начинает напоминать ситуацию в семье, когда главным регулятором отношений становится не любовь, а брачный договор. Такой договор может ясно очертить взаимные обязанности и выгоды, но самого главного в него ведь не впишешь.

⁴ Цит. по: Соколова В. Серые кардиналы образования. Кто стоит за «реформами» по ликвидации всеобщей грамотности в стране // Совершенно секретно. 2011. № 4. <http://www.flb.ru/info/48680.html>.

Западное общество, для которого рыночная культура органична, давно осознало её опасности и за несколько столетий весьма сносно научилось их компенсировать путём встраивания в рыночные отношения нерыночных регуляторов. Это разнообразные ценностные и этические нормы и практики (типа Советов по корпоративной этике). Для России же рыночная культура отнюдь не органична, соответственно риски возрастают, а потребность в их компенсации намного выше. И здесь, как нам кажется, весьма уместны осторожность в нововведениях, тщательное просчитывание последствий и уважение к традициям.

В университете на занятии по педагогике, посвящённом вопросам контроля и оценки, как-то довелось попросить студентов объяснить, как они понимают слова «прилежание», «прилежность», «прилежный». К большому удивлению, большинство из них просто затруднились объяснить их, а те, которые пытались, говорили нечто нелепое. Разобравшись в терминах, некоторые пришли в полное недоумение по поводу того, как и зачем нужно было оценивать эти человеческие качества. Завязалась дискуссия о том, нужен ли некий перечень правил поведения, которые должен соблюдать ученик школы или студент вуза, или перечень человеческих качеств, которыми он должен обладать. Спор свёлся к вопросу: «Если существует утверждённый государством образовательный стандарт, то может и должен ли быть писанный или неписанный поведенческий стандарт?» Большинство сходились во мнении, что такого стандарта нет и быть не может, и были убеждены, что такого всеобщего утверждённого стандарта поведения ученика или сту-

дента никогда не было, не могло быть и сейчас быть не должно. И тогда мы привели в качестве примера советские «Правила для учащихся», где в качестве образца как раз и предлагалось возвращение усердия, любознательности, аккуратности, заботы и, наконец, любви.

Сегодня, когда страна захлёбывается в спорах о внедрении новых образовательных стандартов, результатом которых должны быть то ли знания, то ли умения, то ли компетенции, на десятый план ушли перечисленные ценности и необходимость их возвращения (а не потребления). Неужели не ясно, что никакой знаниево-компетентный стандарт не будет выполнен и достигнут, если мы не вернём в высшую школу это самое прилежание как «усердие, старательность, добросовестное отношение к делу, работе»?

А беда в том, что образование как элемент сферы потребления (а не как стратегический социальный институт) заниматься возвращением прилежания точно не будет. Знания, умения и компетентности можно предоставить и потратить как услугу, а вот любознательность, трудолюбие, усердие и старательность ни предоставить, ни потратить нельзя. Их возвращать надо, а сфера

услуг этим не занимается. А если вдруг любовь пытаются сделать услугой, то всем известно, как это называется. Поэтому образование как сфера услуг, стоящая в один ряд с химчисткой и парикмахерской, будет по-прежнему законно (т.е. согласно госстандарту) плодить в лучшем случае знающих лентяев, умеющих циников и компетентных подлецов. И мы будем дальше строить это странное гражданское общество прагматичных лидеров.

Другой вопрос состоит в том, что потребительским становится не всё образование, а лишь массовое. Элитное (классическое) образование — это образование для избранных вершителей, усечённое (узкоспециальное) — для производителей, псевдообразование (отупляющее) — для архаизированного большинства. Так это же явный новый гностицизм, разделяющий людей на тех, кому доступна духовность и истина (пневматики), на тех, кто достоин лишь специальных знаний (психики), и на быдло, рабочую скотину, социальные отбросы, достойные лишь невежества (хилики)! Одним словом, жители Альфы, чатлане и пацаки... Такая вот «Киндза-дза». Осталось лишь ввести цветовую дифференциацию штанов.